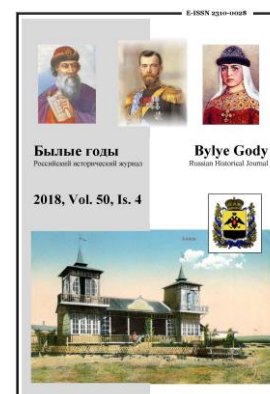

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1612-1624. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1612
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries

Bakhytgul T. Tuleuova ^{a, *}, Lyzzat K. Shotbakova ^a, Gulnara M. Smagulova ^a

^a E.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan

Abstract

The article considers the formation and development of the system of school education in the Kazakh steppe in the context of the educational policy of the Russian Empire in the second half of the XIX and beginning of the XX centuries. Based on archival materials, various documents and scientific literature, the stages of formation and development of the school system of the Kazakh population are analyzed. The process of formation of the educational system is considered by the example of a nomadic society Akmola and Semipalatinsk regions, which constitute today the territory of Central Kazakhstan. Detailed in-depth analysis of archival data and documentary materials makes it possible to say that the formation of school education was complex, including various forms of organizing the education of Kazakh children, such as boarding schools, gymnasiums, Russian-Kazakh schools, and aul schools. The ultimate goal of the educational policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe was, on the one hand, the commitment to bring out Kazakh children from the influence of Muslim ideology, on the other hand, the upbringing in Kazakh children a love for the Russian Empire as their homeland. In addition, educating of Kazakh children has of a purely pragmatic nature, since one of the goals of creating schools for Kazakh children was to train personnel for the administrative structures of the Russian Empire.

Keywords: educational policy, Kazakh society, Central Kazakhstan, Russian-Kazakh schools, aul (village) schools.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в результате колониально-континентальной интеграции Казахстана в состав Российской империи в политическом, социально-экономическом и культурном развитии региона произошли серьезные изменения. Составной частью интеграционных устремлений Российской империи в отношении ее окраин, в том числе и Казахской степи, являлась образовательная политика. Ее главными задачами были обеспечение идеологического контроля со стороны российского правительства над развитой, укорененной в национальных традициях казахского этноса мусульманской школой (Стурова, 2014: 69), а также проведение активной политики русификации казахского населения, тесно связанной с процессом седентаризации. Так, в конце XIX века официальные власти отмечали, что «доколе киргизы будут совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими лишь по переписям» (Остафьев, 1895: 6–7). С ними соглашается автор статьи «Переселенческие вопросы» в газете «Московские ведомости», который отмечает, что «в обрусении инородцев, приселении к ним русских крестьян состоит одно из вернейших орудий нашего национального дела... Совершенно немислимо оставлять киргизскую степь пустыней и этнографически нерусской территорией. Русская колонизация является здесь лучшим средством для развития земледелия, торговли и промышленности и единственным

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova), shotbakovazz@mail.ru (L.K. Shotbakova), gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova)

средством обрусения киргизов... Русский мужик, русский рабочий здесь нужен государству еще больше, чем русский солдат и чиновник» (*Переселенческие вопросы...*, 1892: 556).

Важную роль в решении вопроса мирного включения традиционного казахского общества в российское социокультурное пространство сыграла школьная система. В связи с этим генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман, придавая большое значение созданию русских-инородческих школ, подчеркивал: «Только народное образование способно завоевать край духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может» (*К истории народного, 1899: 54–55*).

Еще одна из проблем, с которой столкнулась российская администрация в Казахской степи, это сильное мусульманско-татарское влияние. «В степи уже слышится татарская речь, перенимается татарский покрой платья и вводятся татарские обычаи... Появляясь среди киргизов в качестве мулл или под видом мелких торговцев, татары при первой возможности открывают мектебы (мусульманские школы), малочисленные по своему составу, но весьма многочисленные по количеству» (*Алекторов, 1905: 153*). Поэтому «только путем последовательного проведения начал образования, путем упорных методических усилий в этом направлении можно достигнуть того, что киргизы со временем с доверием отнесутся к русской школе, единственному источнику просвещения среди мусульманских народов России» (*Алекторов, 1905: 154*).

Центральный Казахстан, который во второй половине XIX – начала XX веков располагался на территории южных волостей Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинского уезда Семипалатинской области, несмотря на общие тенденции развития в условиях Российской империи, по своим физико-географическим, природным и почвенным условиям, особенностям хозяйственного развития, степени влияния переселенческой культуры сильно отличался от остальных регионов Казахской степи. При анализе распределения казахского населения Акмолинской области отмечалось, что в исследуемый период «на южные уезды области, то есть Акмолинский и Атбасарский, приходится более 1/2 всего числа кибиток, и на каждую кибитку – наибольшее число верст, а потому здесь, в удалении от оседло-русских пунктов, среди приволья степного пространства, киргизы сохранили еще в неприкосновенности свою самобытность» (*Народное образование...*, 1909: 99–100). В Семипалатинской области в Каркаралинском уезде, по данным переписи 1897 года, казахское население составляло 98,8 % от общей численности населения, а в 1907 году, несмотря на увеличение числа переселенческого населения, казахи были представлены 97,2 % (*ИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 6*).

Поэтому российские исследователи конца XIX – начала XX веков в своих работах этот регион рассматривали несколько обособленно, называя его исключительно «кочевыми волостями» (*Тулеуова, 2012: 7*). Основным занятием местных жителей, большинство которых даже в начале XX века составляли казахи, являлось традиционное кочевое скотоводство. Земель же пригодных для развития хлебопашества в Центральном Казахстане было сравнительно меньше, чем пастбищ. Земледельческая культура могла развиваться здесь при условии создания ирригационных сооружений и орошения посевных угодий. В силу неблагоприятных природно-климатических условий для развития земледельческой культуры данный регион был малопривлекательным для крестьянского населения, поэтому массового переселения оседлого населения в этот регион не наблюдалось. Если в других уездах образовывалась целая система постоянных поселений переселенцев, то в Каркаралинском уезде, а также в южных волостях Акмолинского и Атбасарского уездов русское население было вкраплено отдельными поселками. Как видно, замысел российской администрации по постепенному приобщению кочевого социума Акмолинской и Семипалатинской областей к русской культуре через общение с переселенческим населением встретило серьезные препятствия. Таким образом, в данной статье рассматривается процесс формирования системы просвещения кочевого общества Акмолинской и Семипалатинской областей в разрезе образовательной политики Российской империи, анализируется деятельность представителей просвещения, участие самого казахского общества в данном процессе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстана (ЦГА РК) и Исторического архива Омской области Российской Федерации (ИАОО РФ), публикации проводников образовательной политики Российского государства, представителей казахской интеллигенции, размещенных в материалах периодической печати конца XIX – начала XX веков.

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило проанализировать и осмыслить характер образовательной политики Российской империи в отношении ее национальных окраин, участия казахского населения в создании образовательной сети в регионе. Системный подход также дает возможность рассматривать в комплексе вопросы воздействия внешних факторов на развитие образования и просвещения как в целом по Казахстану во второй половине XIX – начале XX веков, так и на территории Семипалатинской и Акмолинской областей в данный период, выявить особенности школ региона.

3. Обсуждение

Впервые тема просвещения казахского общества в рамках образовательной политики Российской империи нашла свое отражение в трудах представителей российской педагогической мысли второй половины XIX века – Н.И. Ильминского, В.В. Григорьева, В.В. Катаринского. По мнению одного из главных создателей миссионерско-просветительских учреждений России Н.И. Ильминского, «лучшим средством для борьбы с иноверческой пропагандой может быть только школьное просвещение инородцев», «которое развило бы в них охоту к самостоятельному, беспристрастному размышлению, обогатило бы их здоровыми понятиями о природе и истории и внушило бы уважение к свидетельствам достоверным» (Зеленин, 1902: 10).

Относительно просвещения казахов в начале своего педагогического пути Н.И. Ильминский считал, что «киргизов и сартов вовсе не следовало бы привлекать и допускать в гимназию» (Ильминский, 1895: 74). Однако служба в Оренбургской пограничной комиссии в качестве младшего переводчика с 1858 по 1861 годы, знакомство с ярким представителем казахской просветительской мысли Ибраем Алтынсариным изменило отношение Н.И. Ильминского к вопросу просвещения казахов. В своем письме редактору «Современных известий» Н.П. Гилярову-Платонову в 1868 г. он писал: «Судьба меня занесла в кочевья киргизов, народа кочевого, следовательно, по-нашему полудикого, стоящего на самой низкой степени гражданственности. Грамотный киргиз – редкость, но за всем тем я с изумлением замечал в них хороших говорунов и импровизаторов» (Ильминский, 1900: 7). Очутившись в новом крае, он, помимо своих служебных обязанностей, активно начинает изучать казахский язык, составляет самоучитель русского языка для инородцев и т.д.

Важной особенностью педагогических взглядов Н.И. Ильминского относительно просвещения инородческого населения, в том числе и казахского, было мнение о том, что обучение должно осуществляться на их родном языке, а учитель должен быть выходцем из местной среды, знающим русскую грамоту и обладающим необходимыми профессиональными качествами.

С идеями Н.И. Ильминского соглашался сибирский публицист Н.М. Ядринцев, который считал, что для инородческих племен, стремящихся сохранять свою культуру, язык и верования, важно обучение на их природном языке и перевод учебников на родной язык (Ядринцев, 1891: 239). Он отмечал, что «просвещение на инородческом языке и знакомство с наукой не только не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит с ним, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского». В качестве подтверждения этих слов можно привести пример жизни и деятельности представителей формирующейся в этот период казахской национальной интеллигенции в лице Чокана Валиханова, Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Ибрая Алтынсарина и др.

Более того, по мнению публициста, целью образования и просвещения инородцев должно стать формирование национального самосознания через внушение любви к своему народу, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи. «Дайте ему прежде описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что ближе ему, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует узнать. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Ядринцев, 1891: 241).

Подобные мысли высказывал и П. Остроумов (ученик Н.И. Ильминского), который вполне определенно и с опасением замечал, что научное образование мусульман «бессильно, при известных обстоятельствах, заглушить в людях национальное чувство», более того, «национальное самосознание от образования даже еще проясняется и получает большую устойчивость» (Гафаров, Бродовская, Буравлева, 2012: 172).

Негативные стороны образовательной политики российской администрации в Казахстане отмечал в своих трудах В.В. Бартольд. По его мнению, успехи русской школы и культуры в кочевом обществе тормозились опасением дать определенный уровень образования местному населению на его родном языке, что в конечном итоге открывало бы ему путь к дальнейшему развитию собственной письменной литературы и изучению своего духовного наследия. Это нанесло бы ущерб активной русификаторской политике Российской империи (Бартольд, 1963: 342). Исходя из этого, если ранее в русско-казахских учебных заведениях в первые два года обучения предметы преподавались на казахском языке, то во второе десятилетие их существования властями твердо придерживался принцип обучения на русском языке.

История развития образования казахского общества нашла отражение в многочисленных трудах одного из активных проводников образовательной политики А.В. Алекторов. В своих статьях он неустанно говорил о важности планомерной и систематической работы среди местного населения, так как «от успешности первых школ зависит участь дальнейшего распространения. Очень много обстоятельств могут разрушить в корне все вновь воздвигаемое здание развития образования среди киргизов и надолго задержать движение этого народа вперед по пути русского просвещения. Неудачный выбор места, нелюбимый местным населением домохозяин, плохой, неуживчивый учитель, неподходящие учебники, неубедительное разъяснение цели учреждения школ и т.п. могут

испортить все дело и зарекомендовать школу среди киргизов с плохой стороны» (Алекторов, 1905: 174). Эти мысли он подтверждал своей практической деятельностью, лично объезжая отдаленные места казахской степи, беседуя и убеждая местное население.

Важную роль русско-казахских школ в деле просвещения кочевого социума также отмечали и представители казахской интеллигенции. По мнению И. Алтынсарина, счастье человека заключается в его знаниях, в его образованности. Он был уверен, что русско-казахские школы являются главными пружинами образования, в них сосредоточена будущность казахского народа, а воспитанники этих школ, представители кочевого социума, пропитанные духом науки и здравого взгляда на вещи, станут в будущем хорошим примером для своих соплеменников (Тужкова, Мачнева, 2012: 27).

Актуальность данного мнения подкрепляется точкой зрения и практической деятельностью представителей движения «Алаш» во главе с его политическим лидером А. Букейхановым, получивших прекрасное образование в ведущих российских образовательных учреждениях. Своей основной задачей казахская интеллигенция считала подъем национального самосознания, развитие языка и культуры. Алихан Букейханов в своей статье в газете «Казах» в 1913 году, отмечая важную роль образования и просвещения казахского народа, писал: «Каким будет наше будущее? История учит, что, когда пришлые в культурном отношении превосходят коренное население, происходит поглощение последних. Но если обе стороны в культурном отношении уравниваются друг друга, они могут развиваться, пользуясь при этом равными правами и сохраняя каждая свой национальный характер... Чтобы сохранить нашу автономию, мы должны со всех сил бороться за развитие образования и культуры... Мы должны, таким образом, развивать национальную литературу и язык. Мы никогда не должны забывать, что только тот народ, который сумел создать свою литературу на родном языке, имеет право на независимое существование» (Асылбеков, Сеитов, 2003: 78).

Ахмет Байтурсынов, казахский просветитель, также один из представителей движения «Алаш», размышляя в 1914 года на страницах газеты «Казах» о роли начальной школы в судьбе казахского народа, замечает, что в современном мире человек, не знающий письма, подобен глухому или безрукому. Но прежде чем рассуждать о подготовке в начальной школе будущих писарей, учителей, фельдшеров, адвокатов, судей, инженеров и агрономов, сначала необходимо говорить о наличии на высоком уровне владеющих казахской письменной грамотой (Казах газеті, 1998: 99–100). Именно начальная школа должна стать образовательным фундаментом для желающих учиться дальше.

В XX веке рассматриваемая проблема нашла свое отражение в работах ряда ученых (Галузо, 1935; Тажибаев, 1962; Сембаев, Храпченков, 1972; Храпченков, 1998; Шоинбаев, 1973; Артыкбаев, 1993), которые рассматривали ход образовательных процессов в Казахской степи в тесной взаимосвязи с колониальной политикой России в Казахстане, отмечая среди прочего благотворное влияние русской культуры и языка на просвещение казахов.

В современной историографии проблематика истории формирования системы школьного обучения коренных народов Российской империи, в том числе казахского населения, история открытия школьных учебных заведений нашла отражение в работах Стуровой М.В. (Стурова, 2014; Стурова, 2012), Шалгимбековой А.Б. (Шалгимбекова, 2002), Пищулиной А.Р. (Пищулина, 2016) и др., которые также приходят к заключению о колониальном характере образовательной политики России, направленной на ассимиляцию мусульман.

Из зарубежных авторов, занимающихся отдельными аспектами образовательной политики в разрезе имперских подходов к управлению коренными народами, следует отметить работы Alexander Morrison (Morrison, 2015), Kermit E. McKenzie (Kermit E. McKenzie), Isabelle Kreindler (Kreindler, 1983), David Galick (Galick, 2014) и др. Kermit E. McKenzie в своей статье на примере жизни и деятельности Чокана Валиханова рассматривает роль образования в формировании будущего ученого, вышедшего из преимущественно номадической и подавляюще неграмотной среды, чтобы получить признание российского научного сообщества как авторитетного и многообещающего востоковеда. David Galick, анализируя политику России в Казахстане, отмечает двойной характер угрозы казахскому языку и идентичности как со стороны татаро-мусульманских, так и со стороны русских школ. В условиях сильного татаро-мусульманского влияния в Казахской степи Российское правительство вынуждено было придерживаться осторожной и сдержанной образовательной стратегии, что стало причиной преподавания казахского языка и ислама для казахских детей в стенах русско-казахских школ. Поэтому казахи, желая дать образование своим детям, стояли перед выбором между посещением многочисленных татарских религиозных школ и поддержанием своего религиозного статуса либо государственных русско-казахских школ, жертвуя своей религиозностью для обучения на родном языке. Такая ситуация стала поводом для появления в Каркаралинской петиции 1905 года, авторами которой были представители партии «Алаш», важного пункта об острой необходимости в Казахской степи чисто национальных школ как противодействия двойной угрозе казахской идентичности.

4. Результаты

Акмолинская и Семипалатинская области входили в состав Степного генерал-губернаторства, а учебные заведения подчинялись Западно-Сибирскому учебному округу, открытому в 1885 году. Первое светское учебное заведение здесь было открыто в 1789 г. Это было Омское азиатское училище, готовившее переводчиков и письмоводителей для местных административных учреждений. В эту

школу принимались и казахские дети. В 1828 году она была передана в ведение Омского казачьего училища, которое, в свою очередь, в 1846 году было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. В него разрешено было принимать детей казахов, имевших военные или гражданские чины, то есть преданных российской администрации. В 1866 году Сибирский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию, куда без экзаменов зачислялись дети казахских султанов, баев и старшин. Целью такой лояльной политики по отношению к инородцам была подготовка местных кадров для проведения колониальной политики в Степном крае.

В свою очередь, интерес казахского общества к вопросу образования казахских детей был очень большой, так как это открывало перед ними большие перспективы. Так, по «Положению о школе для казахских детей» от 3 июля 1857 г. казахи, получившие соответствующее образование, по достижении 21 года могли претендовать на должности волостных управителей и заседателей в окружных приказах, если они до этого прослужили несколько лет в административном аппарате Российской империи ([Казахско-русские отношения, 1964: 428–429](#)).

В октябре 1865 года в Омске была открыта школа, в которой 10 мест предназначалось для детей казахов Акмолинской области, 10 – для Семипалатинской. В 1881 году она была преобразована в соответствии с «Положением об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» в пансионат для казахских и русских детей. Обучение воспитанники пансионата должны были получать в приходских училищах и учительских семинариях для подготовки к будущей учительской деятельности ([Алекторов, 1905: 159](#)).

В марте 1870 года был принят важный законодательный акт в области образовательной политики – «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в основу которых легли педагогические идеи Н.И. Ильминского. В Правилах отмечалось, что общим для русско-национальных школ является то, что а) первоначальное обучение в них должно осуществляться на родном языке инородцев, по учебникам, напечатанным кириллицей; б) учителем может быть только гражданин одной национальности с учащимися, знающий русский язык, или русский, знающий родной язык учащихся; в) должно быть организовано образование женщин, так как в основном матери поддерживают и сохраняют народные обычаи и традиции. Однако, несмотря на прогрессивность идеи просвещения коренного населения Казахской степи, реализация Правил была обречена на неудачу, так во главу угла ставились те же задачи русификации и ассимиляции ([Гафаров и др., 2012: 174](#)). Как отмечалось в журнале Министерства народного просвещения в 1871 году, «лучшим средством является развитие между инородческим населением образования, основанного на началах христианской религии и распространении знаний русского языка» ([Обозрение действий..., 1871: 14](#)).

Такая ситуация приводила к тому, что казахское население, осознавая, с одной стороны, необходимость в грамотности своих детей, с другой – опасаясь русификаторской политики в области образования, все-таки предпочитало отдавать детей в «татарские» мектебы, устроенные при мечетях. Первоначально власти возлагали надежду на возможность контролировать деятельность мусульманских мектебов, а также ввести в них русскую грамоту, наряду с арабской или татарской. Однако эти попытки не увенчались успехом. По мнению официальной администрации, «такая постановка народного образования киргизского населения вела киргизских детей не к развитию, а к притуплению способности мышления, ибо обучение в мектебах ограничивается лишь зазубриванием непонятных и даже чуждых детскому разуму стихов из Корана на арабском языке» ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 471а. Л. 160б](#)).

В связи с этим администрацией Степного края в 70-х годах XIX века в противовес мусульманским неподконтрольным мектебам стали открываться правительственные школы с общеобразовательной программой. В этот период в Семипалатинской области были учреждены во всех 5 городах мужские интернаты, а потом и 3 женских. Целью интернатов было обучение русской грамоте и приобщение казахских детей к ведению домашнего хозяйства, занятию земледелием, огородничеством и различными ремеслами. Содержание учащихся и учебного персонала, а также хозяйственные расходы были отнесены на счет казахского общества. Однако девятилетний опыт таких общеобразовательно-профессиональных школ не оправдал себя. Учебно-материальное положение этих учебных заведений было тяжелым, отсутствовали учителя, знающие казахский язык. По мнению администрации, «не давая своим ученикам и ученицам достаточно твердых познаний ни в какой специальности и оторвав их от кочевой среды, интернаты обращали учеников в людей малопригодных к какому бы то ни было делу» ([Внутренняя Киргизская..., 1891: 68](#)).

В 1885 году интернаты были преобразованы в сельскохозяйственные школы, в которых главный контингент должны были составлять казахские дети, а само преподавание, независимо от специальных предметов, было направлено преимущественно на изучение русского языка. Кроме этого, в этих сельскохозяйственных школах был введено обучение простым ремеслам – сапожному, столярному и т.д.

Таблица 1. Распределение предметов в часах по годам обучения в Каркаралинской сельскохозяйственной школе в 1887 году (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1739. Л. 15об., 16)

1 отделение	2 отделение	3 отделение	4 отделение
Арифметика – 102	Арифметика – 69	Арифметика – 50	Арифметика – 26
Русский язык – 100	Русский язык – 69	Русский язык – 94	Русский язык – 47
Чистописание – 105	Чистописание – 64	Чистописание – 46	Чистописание – 17
	Казахский язык – 24	Казахский язык – 26	Казахский язык – 13
		География – 57	География – 25
			История России – 16
			Естествознание – 13

У казахского населения интернаты не пользовались доверием, так как, во-первых, часто распространялись слухи о том, что здесь обращают в христианство, во-вторых, нахождение в интернатах, по мнению казахского общества, отрывало их детей от кочевого быта, делало их изнеженными и неспособными к выносливому труду. Так, если в 1887 г. по приговорам казахских волостных обществ Семипалатинской области в интернатах было запланировано обучение 158 мальчиков и 83 девочек, то в действительности в них было помещено 120 мальчиков и 35 девочек (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 471а. Л. 17об., 18)

История открытия женских интернатов в Центральном Казахстане тоже начинается с 1870-х годов. Значение женского образования в деле приобщения казахов к новым веяниям в Казахской степи неоднократно отмечали представители российской администрации. В своем служебном письме военному губернатору Акмолинской области генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Казнаков в 1877 г. замечал: «К образованию девочек в киргизском населении до сих пор вовсе не принято никаких мер, такой пробел, важный сам по себе, оставаясь не восполненным, при значении женщины в семье может повлечь за собой уменьшение ожидаемых плодов и от образования мальчиков» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 1).

После проведения большой работы по убеждению казахского общества в пользу образования для казахских девочек и девушек, поиску средств для открытия женских интернатов во всех уездах Акмолинской области были открыты учебные заведения для казахских девочек. В декабре 1877 года был открыт Акмолинский женский интернат, где число девочек составило 25 человек из разных волостей уезда. В январе 1878 года в г. Кокчетав был открыт женский интернат на 12 казахских девочек. Как пишет уездный начальник, «классная комната, столовая и спальня готовы. Белье столовое – скатерти, салфетки, белье спальное – простыни, наволочки, полотенце, тюфяки, подушки – также готовы. Перед баней девочки были подстрижены одинаково, после бани надето белье, платья, фартуки и ботинки русского образца. Вся эта обстановка произвела на девочек такое впечатление, каково и желать более нельзя» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 40, 40об).

Сложнее дело по открытию интерната для казахских девочек обстоит в Атбасарском уезде Акмолинской области, где возникли проблемы не только с поиском девочек-кандидатов, но и с финансированием. В рапорте уездного начальника Военному губернатору от 14 января 1878 г. указывается, что «при обозрении учреждений уезда в минувшем году на предмет открытия женского интерната в станице Атбасарской возможно устроить женский интернат не более как на семь или восемь воспитанниц. Этот интернат не может быть устроен в более широких размерах по невозможности приискать в Атбасаре приличных помещений для него, так и потому, что киргизы не особенно сочувственно относятся к учреждению подобных заведений. И только благодаря моим резким убеждениям выборные Нельдинской, Саранской, не особенно богатых, как Ортауская, Актауская и Атасуйская, и даже богатой Чуйской волостей назначили на женский интернат по 72 руб. в год. В остальных Актавских волостях, несмотря на убеждения, киргизы тоже не дали больших сумм и едва назначили только тем суммы, которые были указаны в приговорах» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 30, 30об).

Вместе с тем в данном рапорте отмечалось положительное отношение к данному вопросу управителей южных, так называемых баганалинских волостей Атбасарского уезда, которые обещали дать более крупные суммы от 120 до 150 руб. Более того, были сделаны дополнительные особые пожертвования на открытие и содержание интерната для казахских девочек от почетных граждан и волостных управителей южных волостей Атбасарского уезда, за что им позднее была выражена благодарность от имени военного губернатора (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1651. Л. 43, 44, 65, 66).

Однако через 10 лет в 1887 году губернатором Степного генерал-губернаторства Г.А. Колпаковским попытка женского образования в Казахской степи была оценена как дорогая и безуспешная идея проведения в казахском населении русской гражданственности и бесполезная затрата народных денег (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1753. Л. 1). Анализируя результаты деятельности женских интернатов, губернатор с горечью отмечал, что ориентир обучения казахских девушек на получение элементарных знаний по арифметике, русскому языку, истории России, а также умению шить, вязать, вышивать не принесло успеха. Он считал, что, «отвыкнув от родных обычаев,

полутрамотные, они по возвращению из школы не только не приносят пользы своим родителям, но часто служат к обременению своих семей, не находя применения и у русских даже в качестве домашней прислуги» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л. 106). Такая постановка вопроса, по его мнению, наносила серьезный ущерб популяризации идеи просвещения казахского населения в разрезе образовательной политики Российской империи, так как существование женских интернатов на прежней основе не давало самого главного – знаний и умений, необходимых в казахском быту, а именно – уходу за скотом, ведения хозяйства. Это также имело отношение и к мужским интернатам.

В качестве решения вопроса адаптации казахских девочек и девушек – воспитанниц интернатов – к будущей жизни Колпаковский предложил обучать: «1) грамотности в объеме курса народных училищ Министерства народного просвещения, 2) уходу за скотом, а также птицей, улучшенным способом приготовления масла и сыра, 3) изготовлению армячины на улучшенных ткацких станках и других изделий из шерсти для продажи, 4) приготовлению мыла, 5) выделке шкур и разным кустарным производствам, вязанию изделий из козьего пуха» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л. 108, 108об). Более того, он, обращаясь к уездным начальникам, посчитал полезным «сообразными мерами устраивать будущность казахских девушек выдачею их в замужество за молодых людей, окончивших курс сельскохозяйственных, фельдшерских и ветеринарных школ» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1735. Л.108об).

Несмотря на разочарование официальной российской администрации в пользу казахских интернатов, отсутствие поддержки со стороны кочевого общества в вопросах просвещения местного населения, роль казахских интернатов неопределима. За несколько лет был подготовлен значительный контингент достаточно подготовленных воспитанников-казахов для поступления в Омскую мужскую гимназию, учительскую семинарию, центральную фельдшерскую школу, техническое училище.

Однако в общем образовании казахов-кочевников не продвинулось далеко вперед. Причинами данной ситуации было незнание и непонимание особенностей жизни и быта кочевого социума, отсутствие разработанной системы просвещения казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей. Это стало поводом для появления в отчете акмолинского военного губернатора за 1894 год мнения о том, что «народное образование в киргизской среде не имеет никакой организации. Кроме единственного в г. Омске пансиона для киргизских и русских детей, до 1894 года существовали в уездах 4 киргизских сельскохозяйственных школы, но в настоящее время 2 из них упразднены, а остальные две преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ, в которые могут поступать инородцы» (Алекторов, 1905: 162–163). Вместе с тем в отчете отмечается горячее желание казахов получить правильное систематическое образование, однако отсутствие начальных школ препятствует исполнению мечты поступить в русские учебные заведения.

В одном из номеров «Киргизской степной газеты» в 1895 году автор статьи, размышляя по вопросу казахского народного образования, отмечает трудности для степного казаха дать школьное образование своему сыну. «Отправлять своих детей в общие школы не по средствам громадному большинству киргизов, да и состоятельному человеку сдать в школу ребенка не всегда удается, и вот киргиз, желая поучить своего сына по-русски, везет его в станицу, к казаку. Понятное дело, казак, сам малограмотный, не может ничему научить этого мальчика. Везти мальчика в город, заплатить за квартиру, за учебу, за книги – все это стоит не одну сотню рублей, а у самого богатого киргиза, хотя и много бывает скота, но обыкновенно недостаточно наличных денег» (К вопросу..., 1895: 457). Только 5 % казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей могли посещать эти учебные заведения (Алекторов, 1905: 161).

В следующем номере этой газеты автор другой статьи, анализируя ситуацию в системе просвещения казахов, предлагает при обустройстве народных школ учитывать образ жизни и хозяйства кочевого общества. «Школы для киргизов должны носить особый характер: они должны быть кочующими, как и само население; так что если аул откочевывает на другое место, то вместе с ним туда же следует школа и учитель» (К вопросу..., 1895: 457). По мнению автора заметки, так будут устранены препятствия к посещению школ учениками, и даже более того, взрослые казахи, не нанося ущерба своему хозяйству, смогут тоже посещать такую школу.

Подобные статьи, мнения особых совещаний, на которых присутствовали представители региональной администрации, учебных заведений, а также положительный опыт школ Тургайской области, способствовали выработке системы устройства школьного образования для казахов Акмолинской и Семипалатинской областей. Было принято решение открыть два типа школ: 1) аульные – передвижные, соответствующих программе сельских начальных школ, 2) двухклассные русско-казахские школы, которые должны стать продолжением аульных школ. Деятельность этих школ осуществлялась на основе «Правил для аульных русско-киргизских школ» от 11 октября 1901 года.

Аульные школы предназначались для небольшого района, для одного аульного общества, что соответствовало их названию. Они должны были давать самое необходимое, элементарное образование, причем, будучи передвижными, открыть дорогу просвещению казахов в самых отдаленных районах. Многие выпускники аульных школ продолжили обучение, становились учителями, переводчиками, волостными писарями (Попов, 263).

В регионе первая аульная школа была открыта в 1902 году в Кызылтауской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области, она носила название «Каракимерской». Ее основателем считается волостной управитель Нарынбек Бодуков, который впоследствии был оформлен учителем, а затем утвержден почетным блюстителем (Попов и др., 2014: 262). В Акмолинской области первая аульная школа – Худайбергеновская – была открыта в 1902 году на Спасском медеплавильном заводе Карно, позднее в 1906 году была преобразована в 1-классное училище, затем в 1909 учебном году преобразована в двухклассное училище (Памятная книжка..., 1909: 363).

Открытие школ второго типа предполагалось приурочить к первому выпуску учеников аульных школ, то есть через 3 года. При них должны были устроить педагогический и ремесленный классы, цель которых – подготовка учителей аульных школ, обучение разным кустарным производствам, в зависимости от местных условий и потребностей казахского общества (Алекторов, 1905: 164).

Предлагалось также открытие и женских аульных школ. Однако отсутствие учителей-казашек заставило отказаться от этой идеи. Таким образом, на первое время в Акмолинской области было открыто 25 аульных мужских школ одновременно во всех пяти уездах: в Омском – 2, в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском – по 5 и Акмолинском – 8 (Алекторов, 1905: 164).

На должность учителей аульных школ предложено было допускать на первое время казахов, окончивших курс в уездных или городских училищах после прохождения испытания на пригодность к учительской деятельности. Среди первых учителей аульных школ Каркаралинского уезда Семипалатинской области были Дюсенбаев (Дагандельская аульная школа), Смаил Байтенов (Егиндыбулакская аульная школа), Мусаил и Туркбай Менаяковы (Чубартауская аульная школа), Ахметгали Аяганов и Ережеп Айманов (Каркаралинская начальная школа) (Попов, Шотбакова, Смагулова, 2014: 262–263), Хасен Байтенов (Каплыбаевская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 230б), Мукажан Баиров (Дагандельская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 250б), Нурмухамед Коспабаев (Каракимерская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 310б), Таукель Нуркин (Акботинская аульная школа) (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 330б) и др. Образование они получили в Каркаралинской сельскохозяйственной школе, в Каркаралинском трехклассном городском училище, Семипалатинской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 230б, 250б, 310б, 330б). В двухклассных училищах учителями были русские, окончившие курс в учительских семинариях.

Ускорению работы по открытию русско-казахских школ способствовало создание в 1902 г. дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей в Омске и назначение на эту должность А.Е. Алекторова, большого знатока истории казахского народа, этнографа, крупного просветителя, автора ряда учебников для казахских школ. Он развернул активную пропагандистскую работу среди казахского населения, настороженно относившегося к просветительской деятельности региональной администрации. Его усилиями в 1902 г. открывается 14 аульных школ: 6 – в Акмолинской и 8 – в Семипалатинской областях. В 1903 г. открывается еще 8 таких же школ. Таким образом, в 1903 г. число учащихся в 22 школах достигло 359 человек (Храпченков, 1998: 66).

Однако краткосрочный курс обучения, ограниченность его содержания отрицательно воспринимались местным населением. Как указывает А.Е. Алекторов в своем письме к военному губернатору Акмолинской области, «отдавая своих детей в начальную школу, киргизы рассчитывают на то, что ученики получат дальнейшее более или менее законченное образование, тогда как одна аульная школа, имея всего двухлетний курс, не может отвечать этому существенно важному делу» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 920б.). В связи с этим он предлагает открывать одноклассные и двухклассные русско-казахские училища, а аульные школы преобразовывать в одноклассные училища.

Забота об образовании казахских детей проявлялась не только в желании повысить количество учебных заведений в Казахской степи, но и в серьезном подходе к созданию оптимальных условий для их обучения. В материалах Центрального государственного архива Республики Казахстан сохранилась переписка А.Е. Алекторова с региональными властями по различным вопросам образования казахского населения. Одна из проблем, которая была в центре внимания директора народных училищ, – проживание казахских детей при школах. Он отмечал, что «большинство учащихся в Тас-Пикетовской аульной школе – из дальних волостей, дети преимущественно состоятельных родителей: волостных управителей, аульных старшин, народных судей и других влиятельных киргиз. Живут они за плату в частных квартирах у русских, вне надзора, могут, к сожалению, перенять дурные привычки, и с ними, то есть с дурными привычками, явиться в степь, что весьма нежелательно» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 840б). По его мнению, эта ситуация может нанести урон всей просветительской деятельности российской администрации в глазах традиционного общества, еще находящегося под влиянием татарских и казахских мулл. Поэтому А.Е. Алекторов предлагает предусмотреть возможность размещения казахских детей в помещениях при школах, где была бы возможность осуществлять контроль со стороны учителей.

Хорошо знакомый с языком и бытом кочевого народа, Алекторов лично объезжал аулы, чтобы выбрать более удобные из них для открытия аульных школ. Так, в 1904 году в своем письме на имя военного губернатора Акмолинской области он просит «оказать содействие в устройстве

двухклассного русско-киргизского училища в Атбасаре, очень бедном образовательными средствами, а также волостных школ в селе Полтавском Омского уезда, Федоровском Петропавловского уезда или на Спасском медеплавильном заводе в Акмолинском уезде». Далее он подчеркивает, «что без волостных школ и двухклассных русско-киргизских училищ дальнейшее развитие в крае инородческого образования неосуществимо» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3761. Л. 92об., 93).

27 ноября 1904 г. в Каркаралинске открылось двухклассное русско-казахское училище, в котором начали обучение 104 мальчика – казахи и русские (Попов и др., 2014: 261). В 1909 году школу посещал 81 мальчик, в 1916 году – 87 (Памятная книжка..., 1909: 346; Памятная книжка..., 1916: 534). Совместное обучение на казахском и русском языках позволяло представителям двух наций в совершенстве овладеть второй речью. Заведующим училищем был назначен Ахмет Байтурсынов, который не только занимался преподавательской деятельностью, но и ездил по аулам и агитировал в пользу просвещения.

В этом же году открылась Дагандельская школа в Аксаринской волости, Таспикетовская, Федоровская и некоторые другие аульные школы преобразовались в одноклассные училища.

В 1905–1907 гг. открывается еще 19 школ: 8 – в Акмолинской и 11 – в Семипалатинской областях. Как свидетельствует однодневная перепись школ на 18 января 1911 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях функционировало по 39 аульных и одноклассных школ и по два двухклассных училища. Число учащихся в них составляло 1885 мальчиков и 140 девочек. В общем же темпы роста русско-казахских, в основном аульных, школ были незначительными. С 1911 по 1916 г. в Акмолинской области было открыто 49 школ (Храпченков, 1998: 66). В Семипалатинской области темпы роста числа школ для казахского населения были еще медленнее. Например, в Семипалатинском уезде с 1907 по 1916 г. было открыто всего 10 аульных школ. (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2). Особенно мало в областях было двухклассных и одноклассных училищ.

В 1908 году дирекцией народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей активно стала продвигаться идея по развитию всеобщего обучения, в том числе среди казахского населения. Однако данная работа затруднялась рядом проблем, которые заключались в сложности сбора нужных сведений для разработки школьных сетей вследствие недостатка информации о числе киргизского населения, разбросанности кочевого общества на огромном пространстве. В своей служебной записке один из инспекторов народных училищ И. Скаркавский докладывал, что «при условии, что каждая школа, согласно основным положениям для введения всеобщего начального обучения должна обслуживать местность с трехверстным радиусом, где полагается один учитель на 50 учащихся, в настоящее время учащиеся ходят ежедневно в аульную школу верст на 6–7, ...в действительности это затрудняет осуществить среди киргизского населения проект всеобщего обучения» (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 12, 12об). В связи с этим в ответном письме дирекцией было указано о возможности корреляции: «Для киргизских школ следует положить, как и для русских, по 50 учащихся на школу, хотя бы школьный радиус и пришлось значительно увеличить» (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 13об). Такая ситуация была характерна для многих районов Степного края.

Дело просвещения казахского населения также находилось в центре внимания местных государственных властей. Так, в 1910 году в отчете семипалатинского губернатора в целях улучшения постановки учебного дела в народных училищах отмечалась необходимость учреждения отдельной дирекции Семипалатинской области, так как «число училищ области дошло до 148, а пространство, подчиненное дирекции народных училищ Семипалатинской и Акмолинской областей, занимает 919.663,2 кв. верст...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 472. Л. 31об). Кроме того, директор народных училищ двух областей находился в городе Омске, что сильно тормозило открытие новых училищ, вызывая совершенно излишнюю переписку.

В 1913 г. в Акмолинской области насчитывалось 7 двухклассных и 1 одноклассное училище. Новый директор училищ А. Филипов в письме попечителю Западно-Сибирского округа Тихомирову от 2 ноября 1915 г. просил «увеличить курс обучения в аульных школах (в соответствии с правилами 1913 г.) до 4-х лет, расширить программы, чтобы оканчивающие аульные школы могли поступать во второй класс двухклассных русско-туземных училищ, а не в третье отделение, как сейчас». Министерство просвещения и попечитель учебного округа в 1916 г. дали разрешение на преобразование аульных школ в одноклассные училища при условии, что дополнительные ассигнования на их содержание будут поступать из средств казахских обществ (Храпченков, 1998: 66). Однако реализовать в жизнь это доброе дело в связи с Февральской революцией учебная администрация не успела. Таким образом, в 1916 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях функционировала следующая система школ: аульные, одноклассные, двухклассные русско-национальные училища. В Акмолинской области действовало 88 школ, в которых обучалось 2334 ученика, в Семипалатинской области примерно в таком же количестве русско-национальных школ училось 2133 ученика (Храпченков, 1998: 66). Однако большая часть казахских детей этих областей оставалась вне школы.

6. Заключение

Таким образом, в изучаемый период благодаря формированию системы школьного обучения казахские дети получили доступ к светскому образованию, что соответствовало стремлению

российской администрации вывести казахских детей из-под влияния мусульманской идеологии. В ходе создания структуры народного образования учитывались особенности кочевого образа жизни местного населения, к примеру, открывались сельскохозяйственные школы и училища, передвижные аульные школы, пансионаты и интернаты для казахских детей.

Конечной целью создания школьной системы обучения были, с одной стороны, подготовка кадров низшего и среднего звена для управленческих структур Российской империи, с другой – воспитание казахских детей в духе российской гражданственности.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта АР05133627 /ГФ/, финансируемого Министерством образования и науки Республики Казахстан.

Литература

Алекторов, 1905 – *Алекторов А.Е.* Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1905. Часть ССCLXII. С. 154–191.

Артыкбаев, 1993 – *Артыкбаев Ж.О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда, 1993. 159 с.

Асылбеков, Сеитов, 2003 – *Асылбеков М.Х., Сеитов Э.Т.* Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. Алматы, 2003. 148 с.

Бартольд, 1963 – *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–434.

Внутренняя Киргизская..., 1891 – Внутренняя Киргизская орда (краткий статистический очерк. Астрахань, 1891. 103 с.

Галузо, 1935 – *Галузо П.Г.* Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. 222 с.

Гафаров и др., 2012 – *Гафаров А.А., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В.* Проблемы «инородческого» образования мусульман в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // *Образование и развитие.* 2012. № 4 (32). С. 171–176.

Зеленин, 1902 – *Зеленин Д.К.* Ильминский Н.И. и просвещение инородцев. С.-Петербург, 1902. 20 с.

Ильминский, 1895 – *Ильминский Н.И.* Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. 414 с.

Ильминский, 1900 – *Ильминский Н.И.* О способах обучения инородцев. С.-Петербург, 1900. 8 с.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Казак газеті, 1998 – *Казак газеті: Алаш азаматтарынын рухына багышталады.* Составители У. Субханбердина и другие. Алматы, 1998. 560 с.

Казахско-русские отношения..., 1964 – *Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев (и др.).* Алма-Ата, 1964. 575 с.

К вопросу..., 1895 – К вопросу о киргизском народном образовании. Киргизская степная газета. № 45. 1895 // *Классические исследования: Многотомник.* Алматы, 2013. Т. 13: Алекторов А.Е. Указатель книг, журналов и газетных статей и заметок о киргизах (казахах). 976 с.

К истории, 1899 – К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман. Устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. 286 с.

Народное образование..., 1909 – Народное образование в Западно-Сибирском округе с 1897 по 1906 гг. // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1909. Часть XXIII. С. 85–104.

Обозрение действий..., 1871 – *Обозрение действий Министерства народного просвещения за 1870 г. // Журнал Министерства народного просвещения.* 1871 г. Часть СLIII. С. 14–28.

Остафьев, 1895 – *Остафьев В.* Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации? // *Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII.* Вып II. Омск. 1895. С. 1–62.

Памятная книжка..., 1909 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г.* Томск, 1909. 397 с.

Памятная книжка..., 1916 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г.* Томск, 1909. 572 с.

Переселенческие вопросы..., 1892 – Переселенческие вопросы. Московские ведомости. 1892. № 158 // *Классические исследования: Т. 13.* Алекторов А.Н. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы, 2013. 976 с.

Пищулина, 2016 – *Пищулина А.Р.* Некоторые аспекты законодательного реформирования системы образования в 60-е годы XIX // *Государство и право в XXI веке.* 2016. № 2. С. 9–13.

Попов и др., 2014 – *Попов Ю.Г., Шотбакова Л.К., Смагулова Г.М.* Творцы и свидетели Каркаралинска. Караганда, 2014. 354 с.

Сембаев, Храпченков, 1972 – *Сембаев Л.П., Храпченков Г.М.* Очерки по истории школ Казахстана 1900–1917 гг. Алма-Ата. 1972.

Стурова, 2012 – Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. № 4–1(76). С. 210–213.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Мусульманские школы Степного генерал-губернаторства: вопросы корректировки содержания образования для казахского населения в 80-е гг. XIX – начала XX вв. // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2014. № 11. С. 68–73.

Тажибаяев, 1962 – Тажибаяев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962. 506 с.

Тулеева, 2012 – Тулеева Б.Т. Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда, 2012. 200 с.

Туякова, Мачнева, 2012 – Туякова К.С., Мачнева С.Г. История педагогики Казахстана: создатели системы образования // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2012. № 4. С. 26–29.

Храпченков, 1998 – Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Алматы, 1998. 168 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шалгимбекова, 2006 – Шалгимбекова А.Б. Особенности государственной политики в образовательной системе Казахстана в начале XX столетия (1901–1917 гг.) // *Сетевое научное издание Новосибирского государственного медицинского института: Медицина и образование в Сибири*. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=45

Шоинбаяев, 1973 – Шоинбаяев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

Ядринцев, 1891 – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. С.-Петербург, 1891. 308 с.

Morrison, 1915 – Morrison Alexander. Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Volume 43. Issue 3. pp. 387-417.

Kreindler, 1983 – Kreindler Isabelle. Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening // *Central Asian Survey*. Volume 2. Issue 3. pp. 99-116.

McKenzie, 1989 – Kermit E. McKenzie. Chokan Valikhanov: Kazakh Princeling and scholar // *Central Asian Survey*. 1989. № 3. Volume 8. pp. 1-30.

Galick, 2014 – Galick David. Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alash-orda-kazakh-nationalism/>

References

Alektorov, 1905 – Alektorov A.E. (1905). Iz istorii razvitiya obrazovaniya sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCCLXII. S-Pb. pp. 154-191. [in Russian]

Artykbaev, 1993 – Artykbaev Zh.O. (1993). Kazakhskoe obshchestvo v XIX veke traditsii i innovatsii [Kazakh society in the XIX century, traditions and innovations]. Karaganda. 159 p. [in Russian]

Asylbekov, Seitov, 2003 – Asylbekov M.Kh., Seitov E.T. (2003). Alikhan Bukeikhan – obshchestvenno-politicheskii deyatel' i uchenyi [Alikhan Bukeikhan – social-political figure and scientist]. Almaty. 148 p. [in Russian]

Bartol'd, 1963 – Bartol'd V.V. (1963). Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana [History of cultural life in Turkestan]. Sochineniya. M. Volume. 2. Part 1. pp. 169-434 [in Russian]

Vnutrennyaya Kirgizskaya..., 1891 – Vnutrennyaya Kirgizskaya orda (kratkii statisticheskii ocherk [Internal Kirghiz horde (brief statistical review)]. Astrakhan', 1891. 103 p. [in Russian]

Galuzo, 1935 – Galuzo P.G. (1935). Turkestan-koloniya: ocherk istorii kolonial'noi politiki russkogo tsarizma v Srednei Azii [Turkestan-Colony: Review History of the colonial policy of Russian tsarism in Central Asia]. Tashkent. 222 p. [in Russian]

Gafarov i dr., 2012 – Gafarov A.A., Brodovskaya L.N., Buravleva V.V. (2012). Problemy «inorodcheskogo» obrazovaniya musul'man v Rossiiskoi imperii (XIX-nachalo XX vv.) [The problem education of “non-Russian” muslims in the Russian Empire (XIX-beginning of the XX centuries)]. *Obrazovanie i razvitie*. № 4 (32). pp. 171-176. [in Russian]

Zelenin, 1902 – Zelenin D.K. (1902). Il'minskii N.I. i prosveshchenie inorodtsev [Il'minsky N.I. and education of non-Russians]. S.-Peterburg. 20 p. [in Russian]

Il'minskii, 1895 – Il'minskii N.I. (1895). Pis'ma N.I. Il'minskogo ober-prokuroru Konstantinu Petrovichu Pobedonostsevu [Letters of N.I. Il'minsky to the chief prosecutor Konstantin Petrovich Pobedonostsev]. Kazan'. 414 p. [in Russian]

Il'minskii, 1900 – Il'minskii N.I. (1900). O sposobakh obucheniya inorodtsev. S.-Peterburg [On the methods of teaching non-Russians]. 8 p. [in Russian]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].

Kazak gazet, 1998 – Kazak gazet: Alash azamattarynyn rukhyna bagyshtalady. [Kazak newspaper: Dedicated to the spirit of Alash leaders]. Sostaviteli U. Subkhanberdina i drugie. Almaty. 1998. 560 p. [in Kazakh]

Kazakhsko-russkie otnosheniya, 1964 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gg.) [Kazakh-Russian relations in XVIII-XIX centuries (1771–1867)]: Sbornik dokumentov. Sost.: F.N. Kireev (i dr.). Alma-Ata. 1964. 575 p. [in Russian]

K voprosu..., 1895 – K voprosu o kirgizskom narodnom obrazovanii. Kirgizskaya stepnaya gazeta [On the issue of the Kyrgyz national education. Kirghiz Steppe Newspaper]. № 45. 1895. Klassicheskie issledovaniya: Mnogotomnik. Almaty, 2013. T. 13: Alektorov A.E. Ukazatel' knig, zhurnalov i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (kazakhakh). 976 p. [in Russian]

K istorii..., 1899 – K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Konstantin Petrovich fon Kaufman. Ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877-1881 gg.) [On the history of public education in Turkestan. Konstantin Petrovich von Kaufman. Organizer of the Turkestan Territory. Personal memoirs of N. Ostroumov (1877-1881)]. Tashkent, 1899. 286 p. [in Russian]

Narodnoe obrazovanie..., 1909 – Narodnoe obrazovanie v Zapadno-Sibirskom okruge s 1897 po 1906 gg. [Public education in the West Siberian region from 1897 to 1906]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1909. Part XXIII. pp. 85-104 [in Russian]

Obozrenie deistvii..., 1871 – Obozrenie deistvii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya za 1870 g. [Review of the actions of the Ministry of Education for 1870]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. Part CLIII. pp. 14-28. [in Russian]

Ostaf'ev, 1895 – Ostaf'ev V. (1895). Vozmozhno li pri sushchestvuyushchikh znaniyakh i dannykh o Sibiri opredelit' kolichestvo svobodnykh, godnykh i udobnykh zemel' dlya kolonizatsii? [Is it possible under the existing knowledge and data about Siberia to determine the amount of free, comfortable fit and lands for colonization?]. *Zapiski ZSO RGO*. Knizhka XVIII. Vyp II. Omsk. pp. 1-62. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1909 – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 g [Memorable book of the West Siberian educational district for 1909]. Tomsk, 1909. 397 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1916 – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1916 g [Memorable book of the West Siberian educational district for 1916]. 572 p. [in Russian]

Pereselencheskie Voprosy..., 1892 – Pereselencheskie voprosyi. Moskovskie vedomosti [Resettlement issues. Moscow worksheet]. 1892. № 158. *Klassicheskie issledovaniya: T. 13. Alektorov A.N. Ukazatel' knig, zhurnal'nykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (o kazakhakh)*. Almaty, 2013. 976 p. [in Russian]

Pishchulina, 2016 – Pishchulina A.R. (2016). Nekotorye aspekty zakonodatel'nogo reformirovaniya sistemy obrazovaniya v 60-e gody XIX [Some aspects of the legislative reform of the education system in the 1960s of the XIX]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. № 2. pp. 9-13. [in Russian]

Popov et al., 2014 – Popov Yu.G., Shotbakova L.K., Smagulova G.M. (2014). Tvortsy i svideteli Karkaralinska. Karaganda [Creators and witnesses of Karkaraly]. 354 p. [in Russian]

Sembaev, Khrapchenkov, 1972 – Sembaev L.P., Khrapchenkov G.M. (1972). Ocherki po istorii shkol Kazakhstana 1900-1917 gg. [Essays on the history of schools in Kazakhstan 1900-1917]. Alma-Ata. 162 p. [in Russian]

Sturova, 2012 – Sturova M.V. (2012). Obrazovatel'naya politika Rossiiskoi imperii v Stepnom krae (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) ([Educational system of Russian Empire in the steppe region second half of the XIX - beginning of the XX centuries]). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1(76). pp. 210-213. [in Russian]

Sturova, 2014 – Sturova M.V. (2014). Musul'manskie shkoly Stepnogo general-gubernatorstva: voprosy korrektyrovki soderzhaniya obrazovaniya dlya kazakhskogo naseleniya v 80-e gg. XIX – nachala XX v. [Muslim schools of Steppe Governorate-General: the issues of adjusting the content of education for the Kazakh population in the 80-s of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 11. pp. 68-73. [in Russian]

Tazhibae, 1962 – Tazhibae T.T. (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroy polovine XIX veka [Awareness and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata. 506 p. [in Russian]

Tuleuova, 2012 – Tuleuova B.T. (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obschestva Tsentralnogo Kazakhstana k ryinochnyim usloviyam vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov. [Adaptation of the Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries]. Karaganda. 200 p. [in Russian]

Tuyakova, Machneva, 2012 – Tuyakova K.S., Machneva S.G. (2012). Istoriya pedagogiki Kazakhstana: sozdateli sistemy obrazovaniya [History of pedagogy in Kazakhstan: the creators of the education system]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt*. № 4. pp. 26-29. [in Russian]

Khrapchenkov, 1998 – Khrapchenkov G.M., Khrapchenkov V.G. (1998). Istoriya shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana [History of the school and the pedagogical thought of Kazakhstan]. Almaty. 168 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Shalgimbekova, 2006 – *Shalgimbekova A.B.* (2006). Osobennosti gosudarstvennoi politiki v obrazovatel'noi sisteme Kazakhstana v nachale XX stoletiya (1901-1917 gg.) [Features of public policy in the educational system of Kazakhstan in the beginning of the XX century (1901-1917)]. *Setevoe nauchnoe izdanie Novosibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta: Meditsina i obrazovanie v Sibiri*. № 1. [Electronic resource]. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=45 [in Russian]

Shoinbaev, 1973 – *Shoinbaev T.Zh.* (1973). Progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazakhstana k Rossii [Progressive significance of Kazakhstan's accession to Russia.]. Alma-Ata, 1973. [in Russian]

Yadrintsev, 1891 – *Yadrintsev N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem. statisticheskikh tablets [Siberian non-Russians, their lifestyle and current situation: ethnographic and statistical studies with an attachment of statistical tables]. S.-Peterburg. 308 p. [in Russian]

Morrison, 2015 – *Morrison Alexander* (2015). Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. Volume 43. Issue 3. pp. 387-417.

Kreindler, 1983 – *Kreindler Isabelle* (1983). Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening // *Central Asian Survey*. Volume 2. Issue 3. pp. 99-116.

McKenzie, 1989 – *McKenzie Kermit E.* (1989). Chokan Valikhanov: Kazakh Princeling and scholar // *Central Asian Survey*. 1989. № 3. Volume 8. pp. 1-30.

Galick, 2014 – *Galick David* (2014). Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alash-orda-kazakh-nationalism/>

Формирование системы школьного обучения казахского населения Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков

Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова^{a, *}, Ляззат Касымовна Шотбакова^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова^a

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие системы школьного обучения в казахской степи в контексте образовательной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. На основе архивных материалов, различных документов и научной литературы анализируются этапы становления и развития системы школьного обучения казахского населения. Процесс формирования системы просвещения рассматривается на примере кочевого общества Акмолинской и Семипалатинской областей, которые составляют сегодня территорию Центрального Казахстана. Подробный детальный анализ архивных данных и документальных материалов дает возможность говорить о том, что процесс формирования школьного образования был сложным, включал различные формы организации обучения казахских детей, такие, как интернаты, гимназии, русско-казахские школы, аульные школы. Конечной целью образовательной политики Российской империи в казахской степи было, с одной стороны, стремление вывести казахских детей из-под влияния мусульманской идеологии, с другой – воспитание в казахских детях любви к Российской империи как к своей родине. Кроме этого, обучение казахских детей носило и чисто прагматичный характер, поскольку одной из целей создания школьного обучения казахских детей была подготовка кадров для управленческих структур Российской империи.

Ключевые слова: образовательная политика, просвещение, казахское общество, Центральный Казахстан, русско-казахские школы, аульные школы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова),
shotbakovazz@mail.ru (Л.К. Шотбакова), gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова)